

МАКСИМ БУТЧЕНКО

ЛЮДИ ВОЙНЫ

**ХАРЬКОВ
«ФОЛИО»
2017**

Глава 1

— Если б ты погиб, что бы ты хотел услышать на своих похоронах? — стряхивая пепел на промерзшую черную землю, спросил высокий полнощекый боец.

— Я-то? Кхе-кхе. Наверное, «Не ждите, долги он теперь вам не вернет!» — заулыбался его худощавый и скуластый товарищ.

— Тебе лишь бы ржать! Вот я серьезно спрашиваю, — не унимался собеседник.

— Говорю же: хотел бы легкую джазовую музычку, пусть веселятся, шо горевать-то, отмучился я, — усмехнулся скуластый.

— Я бы хотел другое, — задумчиво произнес первый.

— Боюсь даже спросить, — опять оскалился худой боец, — но давай, братик, выкладывай, а то сейчас взорвешься от своих мыслей.

— Я бы хотел, чтобы сказали так: «Он боялся смерти меньше, чем жизни», — ответил круглолицый.

Обладатель выразительных скул хмыкнул, потом замолчал, затянулся, выпустил дым, закружившийся и взлетевший в вечерние небеса тонкими струйками.

И тут их молчание прервал знакомый голос.

— Так, Дима, Коля, отдохнуть пора, завтра тяжелый день, а вы никак не утомонитесь. — К парочке подошел капитан с позывным Утес, сорокалетний мужик с квадратной физиономией.

— Да мы тут только минут пять стоим, — попытался оправдаться худощавый Коля.

— Знаю я ваши посиделки, когда уже только наговоритесь, — отрезал капитан.

— Что ты завелся-то? Расскажи лучше, что там с окружением? — подключился Дима.

Капитан посмотрел на них недовольно и сообщил, что Дебальцево уже почти зажато в кольцо. Центральная дорога к Логвинову кишит российскими войсками, остался только один проход — в сторону Нижнего Лозового.

— Нужно сопроводить колонну с ранеными, вывезти их из города. Разведка доложила, что есть дыра, там можно будет проскользнуть, — поделился Утес.

— Ладно, завязываем с болтовней, идем спать, — сказал Коля и посмотрел на друга.

Тот кивнул и направился к стоящему рядом жилищу. А через четыре часа он внезапно проснулся.

Покрутил головой.

В комнатке раздавались храп и глубокое сопение. Полнощекый Дмитрий Середа поднялся и вышел из полуразрушенного дома — дальний край хаты с коричневой крышей просел, выпотрошенный после попадания снаряда, из-за чего строение напоминало медвежью тушу с оторванными лапами. Черное глянцевое небо с рассыпанными блестками звезд нависало над Дебальцевым. Одинокое темное облако медленно плыло по прямой — соблюдало правила небесного движения. Донбасская ночь. Во дворе раскиданы едва различимые в темноте зеленые ящики из-под боеприпасов, деревянный забор покосился в сторону соседнего дома сломанным веером, у ворот — акулоподобный бэтээр¹.

---

¹ Бэтээр, БТР — бронетранспортер.

Середа поднял глаза вверх. Морозная звездная чаша образовала над ним купол, под которым парень казался неприметной точкой. Он запрокинул голову. Его молодое лицо соприкоснулось с необозримыми просторами, на которые будто кто-то высыпал щедрой рукой блестящие камешки циркония.

С минуту он смотрел на изломанные линии созвездий, а потом опустил голову и похрустел по снегу ко входу в хату. Когда Дима взялся за дверную ручку, вдалеке послышался гул снаряда — звук удаленного взрыва возвестил о начале нового военного дня. Середа остановился, прислушался, а через десять секунд спокойно нырнул в темноту коридора.

— Середа, вставай! Опять ты шастал ночью? — Через два часа капитан толкал в бок бойца, лежащего на полу.

Тот поднял сонное, чуть опухшее лицо, глуповато улыбнулся, вдохнул и выпалил:

— Никак нет, всего лишь отпугивал ночных призраков, охранял ваш сон, пан капитан.

Утес посмотрел на него, недовольно хмыкнул, надел куртку.

— Поумничай мне тут, охотник за приведениями. Опять у тебя харя, как танком проехали, — чуть смягчился командир.

— Харя, ваше высокоблагородие, это зеркальное отображение души, — лукаво заметил Середа.

— Ну, все, понеслось, сейчас разложит по-матушке всю тяжесть бытия, — подключился к беседе Коля, сидящий рядом на стуле.

— Прошу заметить, не я первый начал!

— Да, конечно, тебе только дай повод...

— Ну вот, я же говорю: повод — это принцип развития логики, — продолжил лежащий на полу боец.

— Кого? А? Да ну тебя, — махнул рукой Коля и встал с табурета. — Щас тебе «сепары» разовьют логику, мало не покажется.

— Это да, — согласился Середа и начал натягивать на себя амуницию.

Спецназовцы вывалились из хаты, кое-кто принял-ся грузить боеприпасы в бэтээр, капитан давал указания, бойцы перекидывались короткими фразами. В это время Середа замешкался в доме — перед сном он снял бронежилет, а в нем лежала фотография жены три на четыре. Сейчас же, надевая броник, боец обнаружил, что фото выпало и куда-то пропало. Дмитрий пошарил у стены, посмотрел под матрасом, на котором спал, обследовал щели деревянного пола, выкрашенного красной краской. Безрезультатно. Он задумчиво присел, почесал куцую черную бородку, осмотрелся по сторонам. В доме три комнаты, одна из них, как уже было сказано, разгромлена. Середа сидел в кухоньке, которая одновременно служила прихожей. Стол покрывала старая белая клеенка с выцветшими, блеклыми тюльпанами. Кое-какая посуда: алюминиевая чашка, железная кружка с закопченным дном, тарелки, кастрюля. Печь возвышалась справа, как бастион, а сквозь щели колец на чугунной плите краснели воспаленные угольки. Во второй комнате на полу лежал красно-бурый палас, потертый по краям и с темным пятном посередине. В углу — диван и стулья, у окна — телевизор с ламповым кинескопом, напоминавшим рыбий глаз. В хате стоял спертый дух — смесь запахов пота, пороха, сигарет.

На несколько секунд Середа забыл, что искал, застыл, и только его глаза блуждали по комнате. Да и

что такое глаза, как не окно, через которое можно заглянуть в душу, а можно и наоборот — выглянуть душой в мир? Дмитрия словно загипнотизировала картина быта: дешевые обои, ветхие вещи, грязные покрывала. И тут его взгляд остановился на календаре, висевшем справа от телевизора. На зеленом поле застыли волнами холмы, вздымавшиеся, как верблюжки горбы. Естественно алые маки покрывали землю, стекая с возвышения к подножию ближнего холма. Солнце, похожее на оранжево-красный мандарин, зависло на линии горизонта. Цветастая картинка, выделяясь ярким пятном на фоне общей блеклости, навевала мысль о другом существовании, недоступном жителям этого дома, недавно покинувшем его. Сверху цифры отображали год — 2015-й.

— Вот тебе и разные измерения. Нора в зазеркалье, а не дом, — пробормотал Середа. А потом протянул руку и сдвинул на календаре красный квадрат, помечающий дату, на 16 февраля. Он развернулся, прошел в кухню и хотел было покинуть здание, как вдруг на полу обнаружил белое пятно, притаившееся в углу около печки. Квадратик три на четыре явно диссонировал с весьма произвольными линиями деревянных досок пола и вообще был чуждым для этой, как попало существовавшей обстановки. Середа поднял фотографию. С нее глядела молодая изящная женщина: тонконосая, узкогубая, с длинными золотистыми волосами, ниспадавшими на плечи. Дмитрий внимательно посмотрел на фото, как будто видел его впервые. Глаза прямо-таки впились в холодную и отстраненную женскую красоту, которая на фоне убогой комнаты смотрелась особенно утонченной. Немного подержав снимок перед собой, Середа нежно провел большим пальцем по лицу на фо-